

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

МАРАЛЬЯ
ФЕРМА
АЛТАЙ

ЖЕНА ВОПРЕКИ
КЛЯТВЕ
МУЖИКА

Екатерина Мелкова

Жена вопреки клятве мужика

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Жена вопреки клятве мужика / Е. Мелкова — «Автор», «Автор»,
2026

Она — столичный хирург, он — суровый таежник, связанный клятвой не приводить в дом женщину, пока не отомстит за отца. Их встреча в ледяной реке меняет всё. Ольге и Тихону предстоит вместе противостоять банде браконьеров, спасти урочище и бороться за любовь. Страсть, опасность и дикая природа Алтая. Сможет ли Тихон нарушить клятву ради той, кто стала его судьбой? Роман о всепобеждающем чувстве, которое сильнее любых обетов.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ледяной омут	6
Глава 2. Кремень	10
Глава 3. Кедровая крепость	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктория Шнайдер

Жена вопреки клятве мужика

Жена вопреки клятве мужика

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. Ледяной омут

Я вывела «Патриот» из глубокой колеи и удержала у скальной стены. Правое колесо подскочило на камне; я крепче взялась за руль.

Стеклоочистители с натужным, резиновым визгом размазывали по лобовому стеклу ледяную морось вперемешку с мелкой каменной крошкой. Дорога — узкая, сыпучая гравийная полка, вырубленная в отвесном сланце над сорокаметровым обрывом, — упрямо забирала вверх, прижимаясь к мокрым скальным карнизам Горного Алтая. Внизу, на дне узкого каньона, бесновалась весенняя Катунь: мутная, вспененная талыми ледниками, ледяная и безжалостная в своей первобытной мощи. Стоило на миг приоткрыть боковое окно, как рев бурлящих порогов заглушал надсадный гул двигателя, а лицо обдавало сырым запахом тающего снега и прелой хвои.

Я крепче перехватила влажный обод руля прокатного «Патриота». Костяшки пальцев побелели от непрерывного напряжения. За годы работы спортивным хирургом и травматологом олимпийской сборной я привыкла глушить страх на корню: на операционном столе секундная паника стоила пациенту здоровья или жизни, а здесь, на Чертовом Перевале, малейшая потеря концентрации означала мгновенный полет в пропасть. На пассажирском сиденье, надежно пристегнутый широким ремнем безопасности, покоился мой бронированный герметичный кейс. Там, в ячейках с автономным термоконтролем, находились ампулы и реактивы для полевых исследований. Я бросила столичную клинику и приехала в глухое таежное урочище Берсеновых за редчайшими природными адаптогенами — свежими вытяжками весенних маральных пантов и высокогорной родиолы розовой, надеясь завершить докторскую диссертацию и создать принципиально новый биопрепарат для ускоренной регенерации разорванных связей.

До сумерек оставалось меньше часа. Небо над ущельем стремительно наливалось тяжелым свинцом, рваные тучи цеплялись за острые верхушки столетних лиственниц.

Внезапно скальная стена справа от меня вздрогнула.

Сначала раздался сухой, трескучий щелчок, словно в вышине с треском лопнул гигантский трос, а следом по крыше внедорожника дробно забарабанили мелкие осколки сланца. Я вскинула взгляд сквозь мокрое стекло: на верхней тропе, метрах в пятидесяти над поворотом, мелькнул сизый дизельный выхлоп тяжелого гусеничного вездехода. Кто-то наверху на полном ходу подрезал скальный козырек, сбрасывая за собой осыпь.

Из тумана, круша молодые кедры и поднимая веер щебня, прямо на колею рухнул гранитный монолит размером с грузовик.

Я стиснула зубы и бросила машину к скальной стене: ударила по педали газа, выворачивая руль вправо, надеясь проскочить между глыбой и гранитным сколом.

Не хватило доли секунды.

Глыба с оглушительным скрежетом срезала левое переднее крыло, стойку амортизатора и рулевую тягу. Руль обожег ладони и с силой вырвался из пальцев. Двухтонный внедорожник подбросило, как щепку, крутануло вокруг оси и швырнуло кормой вперед через трухлявые лиственничные столбики ограждения прямо за кромку обрыва.

Наступило жуткое, невесомое безмолвие свободного падения. Мир вокруг перевернулся: серые скалы, клочья тумана и белые буруны реки встали вертикально. Я успела сгруппироваться, вдавив затылок в подголовник, втянув подбородок в ключицы и вцепившись правой рукой в край сиденья рядом с пристегнутым кейсом.

Первый удар о каменный уступ разбил боковые стекла — салон осыпало мелким крошечком. Искривлённые стойки смяли оконные проёмы. Кузов закрутило, металл лонжеронов

заскрежетал о гранит, срезал верхушку лиственницы и с тяжелым пушечным грохотом рухнул в черную пучину глубокого речного омуты.

Удар о воду был сродни удару о бетонную плиту. Лобовое стекло выгнулось внутрь, покрывшись густой паутиной трещин, и салон мгновенно погрузился в ледяной полумрак.

Вода хлынула отовсюду — через разбитые окна, вентиляционные решетки и щели искореженного пола. Температура весенней реки была не выше четырех градусов. Ледяная волна обожгла лицо, ворот куртки, пропитала джинсы, и легкие рефлекторно сдавило спазмом холодного шока.

«Выдохни, Ольга. Пока голова над водой — вдох. Теперь ищи выход», — скомандовал внутренних голос хирурга.

Машина тяжело кренилась на нос, стремительно уходя на трехметровую глубину. Я рванула ручку водительской двери — бесполезно: колоссальное гидростатическое давление воды снаружи прижало тонкий металл намертво.

Вода уже заливала грудь, подбираясь к подбородку. Под крышей оставался воздушный карман сантиметров в двадцать толщиной. Я запрокинула голову, сделала два жадных, глубоких вдоха, заполняя альвеолы, и потянулась пальцами к замку ремня безопасности. Нажала на красную клавишу. Ничего. Механизм заклинило: смятый каркас сиденья сдавил корпус замка, превратив плотную нейлоновую ленту в удавку, привязавшую меня к тонущему креслу.

Оставалось меньше минуты до полного заполнения салона.

Я нащупала нагрудный карман куртки, вытащила титановый складной скальпель и щелкнула ногтем по фиксатору лезвия. Заведя сверхострое брюшное лезвие под натянутую ленту ремня у самого бедра, я резко рванула на себя. Плотный кант с хрустом лопнул. Торс освободился.

Но в этот момент переворачивающийся кузов зацепил подводный валун. Машину крутануло вверх колесами, и согнутая педаль тормоза намертво зажала мысок моего левого кожного сапога.

Я дернулась вверх — и колено пронзила острая, электрическая вспышка боли. Нога была в капкане.

Вода накрыла меня с головой. Зажав скальпель в зубах, я нырнула в темную муть под рулевую колонку. Пальцы лихорадочно шарили по скользкому полу между сиденьями и наткнулись на полуметровую стальную монтировку, вылетевшую из багажника при падении.

Кислород в легких стремительно таял, в висках тяжело молотил набатный пульс. Я подсунула сплюснутый конец монтировки под изогнутый рычаг педали тормоза, уперла основание в порог и всем весом навалилась на рычаг.

Металл взвизгнул, подаваясь на пару сантиметров. В этот критический миг я рванула ногу на себя, выворачивая стопу.

Раздался глухой щелчок, от которого в глазах полыхнуло багровым пламенем: коленная чашечка с резким смещением выскочила наружу, с внутренней стороны колена обожгло болью. Меня прошиб болевой шок, но нога подалась! Колено застыло полусогнутым. Я потянула бедро руками, высвобождая стопу из-под педали.

Я перерезала ремень на пассажирском сиденье, сложила скальпель и сунула его в нагрудный карман. Оттолкнувшись здоровой ногой, выбралась из-под рулевой колонки и перехватила чемоданчик с препаратами за ручку, прижала его локтем к ребрам и поплыла в кормовую часть кузова.

Заднее стекло багажника оставалось целым. Я прижала острый конец монтировки к нижнему углу стекла. В тесноте заднего отсека размахнуться удавалось едва на ладонь. Воздух кончился. В гортани встал спазм — организм рефлекторно требовал сделать вдох, готовый захлебнуться мутной ледяной жижей.

«Нет! Не здесь! Не так!»

Я перевернулась на спину, уперлась лопатками в потолочную обивку. Подставив подошву правого сапога под загнутый конец монтировки, вытолкнула её в угол стекла здоровой ногой.

Сталинит взорвался тысячами мелких гранул. Я протиснула кейс в проём, оттолкнулась от рамы здоровой ногой и выскользнула следом. Речное течение подхватило меня.

Ствол полузатопленной вековой лиственницы рассекал стремнину в пяти метрах впереди. Собрав последние крохи сил, я сделала три отчаянных гребка и намертво впиалась онемевшими пальцами в осклизлые, но крепкие сучья. Волна накрывала с головой, но я вжалась в дерево, вытолкнув кейс на развилку ветвей.

Пальцы белели, деревенели, соскальзывали с мокрой коры.

И тут с высокой береговой кручи донесся громовой, яростный крик:

— Держись, девка! Не пускай дерево!

На фоне свинцового неба замер исполинский вороной тяжеловоз, а рядом с ним — человек богатырского сложения. В следующую секунду этот гигант скинул овчинный полушубок, закрепил аркан на седле и сбежал по уступам к воде. С нижнего камня он прыгнул в стремнину, увлекая за собой свободный конец верёвки.

Я увидела его голову среди бурунов и снова вцепилась в ветку.

Он плыл саженками сквозь буруны с сокрушительной мощью таежного зверя. Пять широких гребков — и его горячая, мозолистая ладонь сомкнулась на моем предплечье, а вторая намертво обхватила меня за талию, прижимая к широкой каменной груди.

— Поймал! Держу тебя, маленькая, держу! — прогремел над самым ухом глубокий, хриплый бас.

От мужчины пахло кедровой смолой, морозным ветром, конским потом и чистым первобытным жаром. Он ловко перехватил мой чемоданчик, прижал его ко мне и одним молниеносным движением захлестнул вокруг наших тел сыромятную кожаную петлю аркана. Второй конец ремня уходил наверх, к круче, где у кромки обрыва намертво упер копыта в гранит вороной конь.

Мужчина вложил два пальца в рот и издал оглушительный, пронзительный свист.

Наверху конь прыгнул ушами, подался назад, натянув аркан как струну, и мощной равномерной тягой потащил нас из стремнины прочь, к серой галечной косе.

Через полминуты наши тела вынесло на отмель. Великан подхватил меня на руки, легко вынес на сухую гальку и опустил на камни.

В груди kloкотало, каждый вдох срывался в кашель. Великан опустил рядом на колени и потянулся к моей груди, словно собирался делать массаж сердца.

Превозмогая черноту в глазах, я вскинула руку, вцепилась онемевшими пальцами в его запястье и сипло, сквозь кашель, скомандовала:

— Не... не дави! Я дышу. На бок... Помоги повернуться.

Он осторожно повернул меня на бок и поддержал голову, пока я откашливалась.

Меня вырвало проглоченной речной водой. Я зашлась надрывным кашлем и наконец втянула морозный воздух — жгуче, со свистом.

— Живая... — выдохнул он, утирая лоб рукавом мокрой фланелевой рубахи. — Господи твоя воля, живая девка.

Он потянулся за тулупом, но, попытавшись опереться на правую кисть, вдруг глухо зарычал сквозь зубы и осел на камни. Лицо его посерело, на скулах вздулись желваки.

Я приподнялась на локте, забыв о собственном ознобе:

— Что с рукой? Покажи!

Его правая кисть неестественно вывернулась: у основания большого пальца выступал багровый угол, сам палец был отведён в сторону. Похоже на вывих; целы ли кости, покажет только снимок.

— Ерунда, зацепился о валун на перекате... — процедил он, тяжело дыша.

— Сиди смирно! — Мой голос зазвучал привычным тоном хирурга сборной. — Я травматолог. Пальцы чувствуешь? Хорошо. Отёк нарастает, придётся помочь тебе здесь, а потом обязательно сделаем снимок. Дыши носом. Глубоко.

Я села на гальке, вытянув повреждённую ногу, и взяла его огромную ладонь в свои пальцы:

— Смотри мне в глаза. Вдох... И полный выдох! На выдохе расслабь предплечье!

Он послушно выдохнул. В ту же секунду я осторожно выправила положение пальца. Под моими ладонями сустав вернулся на место.

Короткий щелчок разнесся над речным плесом.

Великан втянул воздух сквозь зубы и с благоговейным изумлением пошевелил пальцем:

— Ну и хватка у тебя, девка... Словно кузнечные клещи. Врач, говоришь?

— Кандидат медицинских наук Ольга Соколова.

— Тихон Берсенов. Хозяин урочища, — коротко представился он.

Я закрепила его палец бинтом из кейса. Тихон снял с нас петлю аркана, смотал мокрую верёвку. Гром спустился по уступам, протоптанным хозяином, и остановился рядом. Тихон снял овчину с седла, как вдруг из прибрежного тальника лязгнул затвор карабина:

— Руки за голову, Берсенов! Шаг ступишь — положу на месте!

Глава 2. Кремень

Из зарослей вышел рослый мужик в камуфляже с черной бородой. В руках он держал укороченную «Сайгу», ствол которой смотрел прямо в грудь безоружному Тихону:

— Седой велел твою займку под корень свести. А эту мокрую бабу оставь — свидетелем пойдет под обрыв, рыб кормить.

Тихон медленно начал подниматься, заслоняя меня широкой спиной. Внимание браконьера было приковано только к нему — полуживая, скорчившаяся на камнях женщина казалась ему безвредной.

Моя правая рука уже скользнула в боковой клапан кейса. Там лежал баллон концентрированного противомедвежьего перцового геля с капсаицином. Пальцы бесшумно сорвали пластиковую чеку предохранителя.

— На колени, сука! — рявкнул наемник, шагнув вперед.

Я резко вскинула руку и с двух метров нажала на спуск.

Шипящая оранжевая струя ударила нападающему точно в глаза и переносицу. Бандит взвыл, выронил карабин и рухнул на колени, раздирая ногтями горящее лицо.

В ту же секунду Тихон сделал молниеносный шаг вперед: тяжелым сапогом выбил карабин в речную стремнину, а ударом здорового кулака в челюсть отправил бандита в глубокий нокаут.

Из расстегнутой разгрузки упавшего выкатилась армейская японская радиостанция. Я подобрала её с мокрого гравия и щелкнула тумблером: на настроенном канале звучали чужие короткие команды. Я убрала рацию в боковой непромокаемый карман кейса.

— Это люди Седого, браконьерский синдикат, — глухо сказал Тихон, связав руки бандита и закрепив стропу вокруг лиственницы. Он уложил пленника на бок, поправил на нём куртку. — Я слышал, они по тракту на вездеходе идут. Сейчас вызову их, пусть своего забирают. А Кузьмичу с заставы передам. Буран встает, глянь на хребет!

Он взял у меня рацию, нажал передачу и назвал косу, на которой оставлял связанного. В ответ хрипло выругались: машину уже разворачивали к реке. Я снова убрала рацию в кейс.

Небо провалилось в белую муть, шквал швырнул в лицо ледяную крупу. Тихон подхватил меня, взбежал по осыпи к коню, усадил в седло, закрепил кейс и укутал меня тулупом:

— Держись за луку, Оля! Через полчаса тропу заметет, надо прорываться на заставу!

С речной косы мы свернули на перевальную тропу.

Гром месил копытами каменистую колею. Подъем на Чертов Перевал шел крутыми петлями. Ветер крепчал с каждой минутой: колючий снег сек лицо, видимость сократилась до десятка шагов. Поврежденное колено ныло тупой, пульсирующей болью, сустав распирало под мокрой джинсовой тканью, но я держала спину прямо.

Тихон шел пешком впереди, ведя коня под уздцы и рассекая снежный шквал своим могучим телом.

Вдруг сквозь вой метели донесся тонкий, жалобный скулеж.

— Тихон, стой! — крикнула я, перегибаясь через луку седла. — Там собака плачет в распадке!

Мужчина остановился, вслушался, и в его глазах вспыхнула острая тревога:

— Выюга... Неужто Выюжка?! Три дня назад со двора пропала, дед Прохор все глаза выплакал!

Он подбежал к обрыву и лег на живот. Я сползла с седла на здоровую ногу и, прихрамывая, подошла следом.

В двадцати метрах ниже, на узком сланцевом карнизе шириной едва ли в полметра, припорошенная снегом, лежала серая западносибирская лайка с неестественно подогнутой передней лапой.

— Карниз осыпной, — нахмурился Тихон. — Мои сто пятнадцать кило плита не выдержит, рухнет вниз вместе с собакой.

— Я пойду, — твердо сказала я. — Я вешу пятьдесят пять. Обвязывай арканом и держи сверху.

— У тебя связки сорваны!

— Я врач, Тихон. Я давала клятву бороться за жизнь и не брошу живую душу на морозе. Вяжи беседку!

Он посмотрел на меня, скинул рукавицы и затянул страховочные петли вокруг бёдер. Проверил узел здоровой рукой и закрепил аркан на выступе скалы.

Спуск по обледенелому граниту отнял последние силы. Когда носок левой ноги коснулся снежной полки, колено прошило дикой болью. Нога подломилась. Закусив губу до крови, я опустила на правое колено и перевела дыхание.

Лайка глухо зарычала, скаля зубы.

— Тише, девочка... тише, хорошая, — заговорила я тихим, гипнотическим голосом хирурга. — Я своя. Смотри, я без оружия.

Я сняла перчатку и протянула открытую ладонь. Собака обнюхала ладонь, опустила уши и слабо лизнула мои пальцы. Под шерстью на шее блеснул массивный кованый медный жетон с гравировкой: «Урочище Берсенево. Дед Прохор» и родовым знаком мараловодов.

Любимица старейшины рода.

— Потерпи, Вьюжка.

На передней лапе выступала припухлость; по деформации я заподозрила перелом предплечья. Я достала рулон эластичного бинта, подобрала сухую кедровую щепу, наложила жёсткую импровизированную шину, закрепив лапу в том положении, в каком она лежала.

Прижав собаку к груди обеими руками, я крикнула вверх:

— Тихон! Выбирай! Тяни!

В этот момент плита подо мной хрустнула. Пласт снега сорвался, и карниз с глухим грохотом ухнул в бездну. Мы с собакой повисли над стометровой пропастью на страховочном аркане.

— Держись! — раздался сверху громовой рык.

Тихон Берсенов единым чудовищным усилием могучей спины и плеч, плавно и непрерывно стал подтягивать нас вверх. Он перекинул аркан через выступ скалы, тянул его предплечьями и всякий раз закреплял выбранную длину.

Через полминуты он подхватил меня за ворот и бережно втянул на безопасную бровку тропы.

Я осела в сугроб. Тихон опустился передо мной на колени, бережно принял забинтованную лайку, укрыл собаку полкой тулупа и прижал к себе. Вьюга благодарно лизнула подбородок великана.

Затем Тихон поднял на меня глаза, полные благоговения:

— Ну, доктор... Ты из чистого кремня вытесана. Прохор за Вьюгу тебе в ноги поклонится. Вся наша земля тебе поклонится.

Он снял свой пуховый шарф, бережно обмотал мою шею и легко посадил меня в седло:

— Держись, родная. Еще верста до гребня. Буран в спину бьет — прорвемся!

За последним поворотом открылась вершина перевала.

На открытом гребне метель ударила с новой силой.

Ветер ревел с яростью шторма, температура упала до минус десяти, мокрая одежда окончательно превратилась в гремящий ледяной панцирь. Тело сотрясал крупный озноб, сознание затягивала сладкая, предательская апатия замерзания.

Тихон мгновенно оценил опасность. Он остановил коня за выступом скалы, сорвал с вьюка огромную накидку из дубленой медвежьей шкуры и завернул меня с головой. Вьюгу, укутанную в тулуп, закрепил на передней луке. Сам сел в седло позади, обхватив меня руками и прижав меня спиной к своей широкой горячей груди.

Густой звериный дух меха и раскаленный жар мужского тела мгновенно отсекали ледяной шквал, разгоняя кровь и возвращая ясность мысли.

— Прижмись ко мне, маленькая, — шептал он в самое ухо. — Грею тебя. Мой огонь за двоих горит.

Мы выехали на узкий карниз «Чертов мост» над километровой черной пропастью. Вдруг под копытом Грома хрустнул натекной гладкий лед от родника. Тяжелый конь оступился задней ногой, заваливаясь к обрыву. Тихон инстинктивно потянул повод на себя.

Я увидела, как натянутый повод задирает коню голову, мешая вытянуть шею и удержать равновесие.

— Не тяни на себя! — крикнула я сквозь вой ветра. — Отдай повод! Корпус вперед к скале, вес на правое стремя! Дай коню свободу шеи!

Тихон мгновенно подчинился. Гром поймал баланс, зацепился шипованной подковой за трещину в граните и мощным толчком вынес нас из ледяной ловушки на твердый грунт.

— Золотая ты голова... — выдохнул Тихон, на миг крепче прижав меня к себе. — Коню жизнь спасла. И нам обоим.

Мы начали пологий спуск в укрытую долину, но на выходе из теснины тропу наглухо перекрыл завал: трехсотлетняя обледеневшая лиственница рухнула поперек ущелья, заклинив гранитные плиты корнями.

Тихон прыгнул на снег, нанося сокрушительные удары топором, но замороженная древесина звенела как танковая броня, лезвие отскакивало.

Я сползла на снег и, опираясь на здоровую ногу, осмотрела геометрию заклинивания:

— Не руби волокно, Тихон! Рычаг первого рода! Сруби вон тот сухой еловый шест, используй как вагу! Точка опоры — на гранитном зубе, плечо силы максимальное!

Тихон за минуту свалил сушину, загнал конец под бревно, уперся богатырскими плечами и навалился всем весом, издав глухой утробный рык.

Ствол с грохотом сорвался с замка и ухнул в ущелье, открыв проход.

Я попыталась переступить через корень, но поврежденная нога подвернулась на обледенелом камне. Надколенник снова сместился наружу: острая механическая блокада сгибания и боль с внутренней стороны колена затуманили сознание. В глазах померкло, дыхание перехватило, я стала оседать в сугроб.

Могучие, бережные руки подхватили меня у самого снега.

— Держись, маленькая моя... Дом уже за кедрами. Огонь в печи горит, никому тебя не отдам, — донесся глухой, нежный голос, и я провалилась в теплую темноту.

Очнулась я от звонкого лая Вьюги. Она вытянула голову из тулупа, закреплённого у седельной луки.

Впереди темнели трехметровые лиственничные ворота усадьбы «Берсенево». Из караулки с керосиновым фонарем выбежал сухопарый старик — дед Прохор:

— Вьюжка! Тихон! Живые! — старик с плачем радости откинул тяжелый дубовый засов и распахнул ворота.

Тихон ударом сапога открыл массивную дверь главного дома и занес меня на руках в жаркую горницу.

Здесь пахло благословенным уютом: потрескивали березовые дрова в русской печи, воздух был напоен ароматом сушеной мяты, кедровой живицы и чабреца. Он бережно опустил меня на широкую дубовую лавку перед печью, застеленную пушистыми медвежьими шкурами. Дверь захлопнулась, наглухо отсекая буран.

Разбухший от ледяной воды кожаный сапог сдавливал голень; тянуть его через пятку означало снова потревожить больное колено.

Тихон опустился передо мной на колени на дощатый пол, достал охотничий нож с рукоятью из карельской березы и тихо взглянул мне в глаза:

— Не бойся, Олюшка. Обувку новую сделать недолго, а ногу твою золотую беречь надо. Потерпи секунду.

Острое лезвие коснулось голенища, и одним точным движением великан взрезал кожу снизу доверху. Сапог распался, освобождая сдавленную ногу.

В горницу вошел дед Прохор, неся вощеный берестяной туес:

— Вот она, сила... Пантовая мазь на барсучьем жире с живокостом. Отогреем дочку! А сустав — сама скажешь, как помочь.

Тихон осторожно держал мою босую, озябшую ступню в своих огромных горячих ладонях, согревая ее своим дыханием. Наши взгляды встретились в трепетном золотом пламени печи. Я улыбнулась ему сквозь усталость. Он ответил улыбкой и чуть крепче обхватил мою ступню. Мне хотелось коснуться его мокрой щеки — и я коснулась. За окнами выл буран, но от этой лавки я сейчас никуда бы не ушла.

Ступня отогревалась. А коленная чашечка оставалась снаружи — и помочь мне здесь мог только он.

Глава 3. Кедровая крепость

Я взялась за край мокрых джинсов, пытаюсь стянуть ткань с распухшего колена.

Жар от русской печи накатывал плотными волнами, но изнутри меня все еще бил озноб. Ледяная Катунь и буран на перевале выпили все силы. Я сидела на широкой дубовой лавке, усталой медвежьей шкурой, судорожно переводя дыхание.

От его мокрой рубахи пахло кедровой смолой, ружейным маслом и морозным ветром — первозданным таежным духом, от которого кружилась голова.

— Сейчас полегчает, Олюшка, — негромко сказал он. От звука его низкого голоса внутри меня дрогнула струна. — Не зажимайся. Впусти тепло.

Но телу мешал ледяной панцирь: мокрые джинсы намертво прилипли к бедрам, стягивая распухшее колено. Нужно было снять сырую ткань, но женская неловкость сковала мышцы — остаться полураздетой перед незнакомым исполином казалось невыносимым.

Тихон посмотрел на мои мокрые джинсы и поднялся, отвернулся к печи и подбросил в огонь сухое березовое полено. Стоя ко мне спиной, он протянул мне через широкое плечо плотное покрывало:

— Скидывай сырое, Оля. Я спиной стою. Укутайся — полотно сухое, на чабреце в сундуке лежало.

Я сняла мокрые куртку и рубашку, с благодарностью стянула осклизлые брюки и вернулась в грубоватый лен, пахнувший сенокосом и солнцем. Стыд растаял, уступив место долгожданному покою.

— Тихон, — позвала я. — Посмотри колено. Только не дави резко.

Он опустился на колени. Его ладони легли на сустав с невесомой осторожностью. Как спортивный травматолог, я внутренне готовилась к худшему — разрыву крестообразной связки или блокаде мениска. Я провела пальцами по наружному краю чашечки и выдохнула. Чашечка стояла снаружи; под её внутренним краем расплзалась болезненная припухлость. Повреждение связок ещё предстояло оценить на снимках.

— Тихон, похоже, чашечка ушла наружу. Помоги мне выпрямить ногу. Потом нужен травмпункт и снимки.

Тихон перевел дух и тут же напряг плечи, готовый рвануть голень на себя:

— Сейчас дерну, потерпи!

— Стой! — я перехватила его твердое запястье. — Силой оторвешь связку. Обхвати пятку и щиколотку. Тяни строго по продольной оси — плавно, без рывков. Я сделаю вдох, а на выдохе расслаблю четырехглавую мышцу и сама направлю кость в ложе. Помогай понемногу.

— Понял, доктор. Потянул.

Его руки сжались, как мягкие тиски. Он поддерживал пятку, пока я понемногу распрямляла ногу. Я набрала полную грудь воздуха и на длинном выдохе отпустила мышечный спазм, мягко нажав подушечками пальцев на наружный край кости.

Сухой, отчетливый щелчок огласил избу.

Острая механическая распорка исчезла. Сустав встал на место, нога свободно вытянулась, и волна пьянящего облегчения затопила тело. Я откинулась на бревенчатую стену, жадно глотая воздух.

— Встала чашечка, родная! — прошептал Тихон с открытой мальчишеской улыбкой.

— Теперь фиксируем ногу и кладем холод, — выдохнула я. — Бинты в кейсе, в том же отсеке, откуда я тебе брала. Посмотри, что осталось.

Дед Прохор, деликатно переждавший за ситцевой занавеской переодевание и вправление сустава, шагнул ближе и передал Тихону принесенный воцеленный берестяной туесок:

— Вот сила наша. Первовесенняя вытяжка из пантов на барсучьем жире с корнем живокоста. Кости крепит, жилы исцеляет. Втирай по кругу.

Тихон зачерпнул янтарную мазь с запахом меда, мускуса и хвои. Я остановила его руку у больного колена:

— Сегодня только холод, Тихон. Оставим мазь на потом.

Он закрыл туесок и поставил рядом с лавкой.

— И две дощечки для шины. Нужно уберечь чашечку от нового смещения, — добавила я.

Тихон шагнул на крыльцо и вернулся с миской рассыпчатого горного снега. Завернув его в холстину, он приложил компресс к колену. Боль притупилась. Затем под мою диктовку закрепил шину; я проверила, свободны ли пальцы стопы.

Усталость навалилась тяжелой волной. Тихон убрал компресс, подхватил меня вместе с льняным покрывалом на руки и легко поднял с лавки. Я прижалась щекой к его плечу, слыша мерный стук сердца. Он перенёс меня в соседнюю спальню, уложил на кедровую кровать под пуховую перину и накрыл медвежьей шкурой.

Его теплая рука коснулась моего виска, отводя влажную прядь волос:

— Спи, Олюшка. Здесь тебя никто не тронет. Ворота на запоре, карабин заряжен. Ты дома.

Я закрыла глаза и в то же мгновение провалилась в глубокий целительный сон.

Следующие двенадцать дней прошли между этой кроватью и лавкой у печи. Тихон возил меня в район: снимки показали, что кости целы, дыхание после речной воды тоже проверили. Его палец оставили в фиксирующей повязке, моему колену назначили покой и ортез, выдали костыли. Я давала Вьюге лекарства, которые выписал ветеринар, и смотрела, как она учится ходить на трёх лапах.

На тринадцатое утро в горницу ворвались снопы ослепительного света. Они легли на смолистые венцы бревен, высвечивая янтарные капли живицы.

Я приподнялась на локтях. Сил прибавилось, кошмар Катуня отступил. Скинув перину, я с замиранием сердца опустила босые ноги на теплый дощатый пол. Припухлость колена уменьшилась, но стоило мне перенести вес на левую ногу, как сустав отозвался деревянной скованностью связок. Я покачнулась, ухватившись за спинку кровати.

Дверь распахнулась, и на пороге вырос Тихон с охапкой кедровых дров. Увидев мои попытки встать, он покачал головой, сгрузил поленья и шагнул ко мне:

— Рано еще гарцевать, доктор. — В его серых глазах плясали теплые искры. Он наклонился и легко поднял меня на руки. — Баню чуть протопил. Хочешь помыться? До крыльца на руках довезу.

Я обняла его за шею, уткнувшись в ворот овчинного тулупа. От него пахло морозным снегом, хвоей и чистым мужским теплом. Он вынес меня на залитое солнцем крыльцо и зашагал по скрипучей тропинке к бревенчатому срубу бани у журчащего ручья.

В предбаннике было жарко и сухо. Пахло вениками и берестой. Тихон опустил меня на широкую липовую лавку, накинул на плечи льняную простыню и подал берестяной ковш с янтарным питьем:

— Пей до капли, Олюшка. Взвар на лесном меде, кипрее и бадане. Кровь разгонит, силу вернет.

Напиток обжег губы терпкой сладостью и разлился по жилам живительным жаром, снимая остатки дорожной тревоги.

— А теперь — в тепло, — Тихон распахнул дверь в парную.

Я заранее попросила его дать бане остыть. С порога меня окутало мягкое тепло; каменка уже догорала. Вместо сырой воды Тихон плеснул на раскаленные голыши каменки густой настой листьев горного бадана, перечной мяты и кедровой хвои. Камни отозвались протяжным шипением, и ароматная волна накрыла нас с головой.

— Ложись на живот, Оля, — негромко сказал Тихон, расстелив на липовом полке холщовое полотенце.

Я легла, чувствуя, как расслабляется спина. Тихон взял запаренный веник из молодых кедровых лап с шелковистыми иглами. Он мерными взмахами оведал мою спину тёплым смолистым воздухом. Я закрыла глаза, позволяя плечам расслабиться.

Затем он зачерпнул в ладони подогретое кедровое масло и опустил на край полка:

— Подсказывай, как массировать, чтобы не повредить.

— Колено оставь. Лучше плечи... — прошептала я, затаив дыхание.

Его сильные пальцы легли на кожу. В его движениях была сокрушительная мужская мощь, смягченная трепетной нежностью. Он разминал плечи, закаменевшие от долгих дней с костылями. С каждым его прикосновением между нами пробежала тонкая, обжигающая волна взаимного влечения; дыхание сбилось, сердце гулко застучало в груди. Я встретила его потемневший, замороженный взгляд — воздух словно сгустился до предела.

— Пора освежиться, — тихо произнес Тихон, сглотнув, и помог мне встать.

Он вывел меня в боковую пристройку, где в пол была вмонтирована кедровая купель с проточной родниковой водой комнатной температуры — около восемнадцати градусов. Придерживая за талию, он помог мне погрузиться по пояс. Прохлада родника коснулась разгорячённой кожи. Я выдохнула и положила ладони на его плечи.

Когда я выбралась из воды, Тихон достал из кованого сундука платье-рубаху из тонкого белого льна с серебряной вышивкой трав по подолу:

— Надень, Оля. Матушка моя шила... Берегла для хозяйки дома. Тебе впору будет.

Ткань легла на тело невесомой прохладой, пахнувшей мятой. Платье село идеально, подчёркнув талию и струясь до щиколоток. Я снова закрепила ортез, сделала шаг, другой. Нога выдерживала осторожную опору.

Мы вышли на залитое солнцем крыльцо бани. Я стояла на обеих ногах, наслаждаясь возвращением сил.

Но тишину разорвал топот сапог: к нам бежал дед Прохор, опираясь на посох и тревожно размахивая шапкой:

— Тихон! Осыпь на Орлиной круче пошла! Реликтовый пласт золотого корня вот-вот в пропасть снесет! А у меня плечо ноет, один пестерь на круче не удержу!

Тихон нахмурился:

— Сейчас дрожки заложу, сам поднимусь.

— Нет, — я решительно шагнула вперед, опираясь на перила. — Я еду с вами. Я фармаколог и спортивный врач. Если корень повредить киркой, маточный узел погибнет. Я знаю, как правильно спасти родиолу.

Тихон принёс мне запасные сапоги и стёганую куртку. Я переделалась, а через полчаса мы выехали со двора.

Рессорные конные дрожки мягко покачивались на весенней колее. Пара гнедых коней мерно месила талый грунт, увлекая нас вверх по ущелью к подножию Орлиной кручи. Ветер здесь дул резкий, наполненный запахом стывших скал и тающего снега.

Дорога оборвалась у крутого сланцевого склона. Дальше повозке было не пройти: впереди вздымалась серая осыпь из мелкого щебня и гранитных обломков, уходящая к гнездовьям беркутов.

Тихон спрыгнул на землю и обернулся ко мне, намереваясь усадить обратно в сено:

— Посиди в дрожках, Оля. Тропа гиблое дело, камни живые. Мы с дедом управимся.

— И не подумаю, — я с улыбкой перехватила гладкий кедровый посох, уперлась в грунт и осторожно сошла с подножки. — Смотри на постановку стопы, Тихон. Буду идти с посохом. На трудных местах подашь руку.

Тихон первым ступил на каменистый карниз, я пошла по его следу. Прохор поднял берестяной пестерь и замкнул нашу маленькую цепочку.

Подъем давался непросто. На высоте сотни метров склон сузился, а мелкий щебень под ногами начал предательски «плыть». На тесном повороте Прохор обогнал меня и оступился на скользком сланцевом пласте: подошва его ялового сапога сорвалась, старик взмахнул руками и стал заваливаться в метре от зияющего обрыва.

Я упёрлась здоровой ногой в камень, я подставила свой кедровый посох под локоть деда, как надежную опору, а свободной рукой намертво вцепилась в его широкий кожаный ремень, зафиксировав центр тяжести.

Щебень с сухим шорохом ухнул в пропасть, но старик удержался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.